

**ИССЛЕДОВАНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АСПЕКТА
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ: НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ,
ИЛИ BEATI POSSIDENTIS**

**(Л.И. Гришаева. Особенности использования языка и культурная
идентичность коммуникантов. — Воронеж: Воронежский государственный
университет, 2007. — 261 с.)**

М. С. Колесникова

Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д.Ушинского

Новая монография Людмилы Ивановны Гришаевой является отражением тех надежд, которые многие современные лингвисты связывают с созданием цельносистемной теории, способной по авторитетности своих классификаций и в силу основательности аргументативной базы встать в один ряд с другими концепциями, обращенными к проблеме взаимодействия языка и культуры и изучения *языка как культурного кода*. Особые новые перспективы для создания такой теории появились в конце 90-х годов XX века, когда интерес лингвистов привлекли понимание данного феномена как системы и осмысление его функционального аспекта в контексте описания других культурно-специфических семиотических систем (ср.: с. 2). Широко известно сегодня утверждение, что взаимосвязь языка и культуры является тесной и очевидной, само по себе давно утратило вкус новизны и перешло в категорию общепризнанных фактов. Обсуждению подлежат скорее вопросы о том, какой характер имеет эта взаимосвязь и какие задачи следует ставить и решать через призму этого взаимодействия.

Многогранность обсуждаемых в этой связи проблем в монографии Л.И.Гришаевой и новизна авторского подхода к ним позволяют не сомневаться в том, что она окажет активное стимулирующее воздействие на развитие последующих исследований в области изучения именно *функционального статуса* сложного взаимодействия языка и культуры. Специалистам, знакомым с прежними работами Л.И. Гришаевой, в которых исследуются различные аспекты процесса межкультурной коммуникации, несомненно, запомнилась авторская

манера постановки и решения дискутируемых проблем. В ней, как правило, отсутствуют докучливая прескрипционность и ригоричность суждений, а их место занимают принципиальная аргументация, фактологическая конкретика, нетривиальность и креативность предлагаемых интерпретаций.

Вопросы, поднимаемые в новой работе Л. И. Гришаевой, заслуживают самого пристального внимания и имеют принципиальное значение для теории коммуникации, теории межкультурной коммуникации и современной лингвистики в целом. Как думается, весьма плодотворный «штурм» проблемы «человек и язык», предпринятый в 80-90-е гг. прошлого века и давший ряд блестящих результатов, уже исчерпал свои ресурсы в рамках, ограниченных одной специальной областью знаний. Основной пафос обсуждаемой монографии — с позиций междисциплинарного подхода внести определенные коррективы в некоторые уже устоявшиеся стереотипы в трактовке линейной зависимости в триаде «человек — язык — культура». Решение этой задачи требует сотрудничества лингвистов со специалистами в области других гуманитарных наук. Исследование Л.И. Гришаевой служит отпавшим моментом для подобного комплекса междисциплинарных работ, которым предстоит вскрыть сложный характер лингвистических, культурных, социальных, этнических процессов, обусловивших и ракурс исследования, который автор квалифицирует как «функционалирование языка в культуре» (с. 5). Данный тезис представляется не только обоснованным, но и открывающим новые перспективы, поскольку предлагает новый ракурс, новые знания, которые помогут (ибо *beati possidentes* лат.: *счастливы*

обладающие), как подчеркивается во введении (с. 6-10), получить «новые представления о человеке и о том, как он действует в различной культурной среде» (с. 10).

Первое, что хочется отметить в монографии Л.И. Гришаевой, — это то, что она является результатом масштабного, взвешенного и глубоко продуманного труда ее автора. Сама книга, воплощающая в себе этот авторский труд, создана так, что демонстрирует не только теоретические идеи автора и большую экспериментальную и практическую, в том числе учебную, работу, но и представляет результаты огромной научно-организационной деятельности, посвященной, с одной стороны, подготовке, проведению и осмыслению творческих научных проектов, семинаров, конференций, симпозиумов, отраженных, в частности, в неутомимой редакционной работе автора, и, с другой стороны, заботы о становлении молодого поколения ученых, аспирантов, студентов. Основное содержание монографии составляет анализ конкретного фактического материала, обобщение и экспликацию немалого личного опыта межкультурного общения и одновременно, по существу, носит методологическую направленность, так как убедительно обосновывает преимущества взгляда на язык как на одну из «наиболее мощных культурно-специфических семиотических систем с разветвленным функциональным потенциалом». При этом особенности использования языка трактуются как компонент *идентичности личности*, которые относятся к ядерной части идентичности как единичного, так и коллективного субъекта (с. 244).

Исследование проблемы *языка как культурного кода*, как всякая другая область научного знания, опирается на понятийный аппарат, разработанный предшествующими поколениями ученых и составляет тот терминологический и понятийный багаж, который принято квалифицировать как научную традицию, бережное и созидательное отношение к которой определяет и сущностные характеристики методики подачи материала в монографии. Подтверждает подобное определение метода автора в подходе к анализу не самого языка, а к особенностям его использования в конкретной культурной среде, на наш взгляд, уже сама композиция монографии, в которую помимо традиционных введения, глав (их в монографии пять, снабженных выводами), заключения, литературы, включен тщательно подготовленный предметный указатель (с. 259-261). Его функция заключается, помимо регистрирующей, в расстановке необходи-

мых теоретических акцентов, а, следовательно, в выделении значимых с содержательной точки зрения аспектов данного издания и проведенного исследования.

Первая глава монографии, названная «Использование языка, адаптация человека к инокультурному окружению и факторы риска в межкультурной коммуникации» (с. 11—58), содержит системный анализ различной природы факторов риска в межкультурной коммуникации. В этой главе обосновываются чрезвычайно продуктивные, новаторские идеи автора об органической связи двух фундаментальных для анализа межкультурной коммуникации феноменов — личностной и коллективной идентичности. Эти идеи, которые предстоит еще осмыслить в контексте злободневных проблем межкультурной коммуникации, проецируются на системный подход к анализу факторов риска, основой которого является исследование интеракции определенного типа для конкретной категории коммуникантов в соотношении с выделенными и описанными признаками личностной и коллективной идентичности.

Соответственно результат взаимодействия коммуникантов рассматривается в категориях различных вероятных итогов развития любого межличностного взаимодействия (как позитивного, так и негативного) (см., например: с. 21—44). Мне кажется, что такое внутреннее объединение по духу и основным принципам подхода к проблеме интерпретации ПКР и НКР (соответственно: позитивный коммуникативный результат и негативный коммуникативный результат), а не априорным логическим позициям оказалось весьма плодотворным. Анализируя факторы риска, автор выделяет неэлиминируемые и элиминируемые, модифицирующие результат и развитие интеракции факторы (с. 31). Изучение современной научной парадигмы показывает, что с обсуждаемым тезисом коррелирует признание объектом науки «не познания мира, а предсказания последствий нашего в него вмешательства», а также развития способности усваивать «новые знания с целью лучшего предвидения» (Ю. Афанасьев) (Афанасьев Ю. Может ли образование быть негуманитарным? // Вопросы философии. 2000 / Ю. Афанасьев // [Электронный ресурс]: www.gubgicon.ru), что, несомненно, с полным основанием можно отнести и к межъязыковой интеракции.

Эти идеи получили развитие в работах молодых исследователей, которые неоднократно упоминаются в монографии. В частности, в диссертации

Л.А.Афанасьевой представлен анализ языковых фактов, направленный на изучение негативного коммуникативного результата (НКР). В развитие идеи Л.И.Гришаевой оба типа результата коммуникации поставлены в один ряд: позитивный и негативный (ПКР и НКР соответственно) и тем самым приобретают статус программного подхода для описания общих закономерностей развития интеракций, в которых присутствует угроза НКР, а также для исследования дискурсивных стратегий, используемых коммуникантами для преодоления этих угроз (Афанасьева Л.А. Организация интеракций с наличием угрозы негативного коммуникативного результата (на материале английского языка). / Л.А. Афанасьева. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. — Воронеж, 2005).

В качестве приоритетного подхода при научном анализе интеракций соответственно рассматривается такой подход, который позволяет исследовать не причины, вызывающие негативный результат, а способы достижения желаемого результата, а также пути предупреждения /снятия/ минимизации затруднений, возникающих в ходе интеракции. В целом, соглашаясь с автором монографии в том, что постановка вопроса о подходе к изучению как положительного, так и негативного результата коммуникации, является своевременной и актуальной, следует заметить и то, что любая коммуникация изначально ориентируется на положительный исход, в том смысле, что представляет собой, как известно, специфическую форму взаимодействия людей в процессе их творческой, трудовой и познавательной деятельности. В противном случае, видимо, встаёт особый вопрос о том, каким образом следует квалифицировать воздействие коммуникантов друг на друга.

Во второй главе «Ценностные ориентации и результат взаимодействия коммуникантов» (с.59—108) Л.И. Гришаева переходит к рассмотрению корреляции между особенностями использования языка и ценностными ориентациями, характерными для определенной культуры. В этой главе анализируются категории коммуникантов и типы межкультурной коммуникации, подробно исследуется соотношение характера развития интеракции и результата коммуникации, рассматриваются культурные коды и их маркеры, а изучение связи духовной и интеракционной частей культуры опирается на исследование факторов, актуальных для трактовки межкультурной коммуникации как процесса и его результата, который, по мнению ряда исследовате-

лей, можно определить как культурные фильтры (с. 89). Следует отметить, что в данной главе, как и в последующих, приводится много иллюстративных схем, таблиц, матриц, которые довольно удачно систематизируют и дополняют текст монографии.

Важно, что выявляемые при таком подходе и анализе специфические особенности ведут не к пересмотру характеристики корреляции аксиологического и функционального аспектов интеракции в целом, а к отказу от жесткой соотнесенности индивидуальных трактовок наблюдаемых явлений с ценностными ориентациями представителей различных культур. Лишь междисциплинарный подход, как считает автор (и в этом с ним трудно не согласиться), предполагающий комплексный, многоаспектный анализ, «способен приблизить исследователей к желаемой цели — дать корректное, взвешенное описание того, как особенности культуры обуславливают различия в действиях представителей разных культур в одних и тех же условиях» (с. 107). К такому выводу нас также приводит рассмотрение богатого фактического материала, предложенного не только во второй главе, но и во всех последующих разделах монографии. Предлагаемая в данной главе со ссылкой на позицию Л.В. Цуриковой дефиниция дискурсивного события как единицы изучения дискурса и совокупности когерентных речевых действий, совершаемых для реализации одной цели (с. 105), может квалифицироваться как адекватная сущности коммуникации, что подтверждает, кстати, и реальная практика — в том числе, обсуждения этой проблемы на семинарских занятиях по межкультурной коммуникации в Ярославском государственном педагогическом университете им. К. Д. Ушинского, где уже не первый год эти занятия проводятся на основе учебника по введению в основы теории межкультурной коммуникации, одним из авторов которой является Л.И. Гришаева (отрадно отметить, что учебное пособие пережило уже четыре издания: Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. / Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова. — М. : Academia, 2007).

Наиболее «монографический» характер имеет третья глава — «Культурная идентичность и использование языка» (с. 109-186), основное содержание которой составляет системное изложение взглядов автора на теоретические положения, существенные для излагаемого представления идентичности, а также анализ взаимодействия культурной идентичности личности и использования ею языка.

Идентичность рассматривается как единство индивидуального и социального. Автор монографии права, определяя коммуникацию здесь как среду для проявления личности (внутри— и межкультурную по своему характеру и межличностную по своей природе), при этом основа для идентичности, независимо от характера коммуникации, как подчеркивается, остается интеракционной и когнитивной (с. 123). Может возникнуть вопрос: почему автор обращается к обсуждению феноменологии идентичности? Ответ становится очевидным, когда в результате рассмотрения сущности идентификации, типологии, структуры, функций идентичности, автор переходит к квалификации идентичности как когнитивно-дискурсивному феномену и описанию ее ментальной модели и убедительно демонстрирует, что именно идентичность определяет способы осуществления активности личности в социуме и в конкретной культурной среде (с.123, с.141—146). Такого рода описания необходимы не только автору для решения поставленной проблемы, но нам, читателям, и последующим исследователям. Во-первых, они служат подтверждением адекватности соответствующих рассуждений и выводов, касающихся как маркеров идентичности (с.146—150), так и возможностей трансформации личностной и коллективной идентичности (с.150—155). Во-вторых, они демонстрируют неисчерпаемые возможности лингвистической интуиции, основанной на осознанном понимании того факта, что не сам язык является компонентом идентичности, а особенности его использования для решения конкретных когнитивных и коммуникативных задач (с. 157). В-третьих, они учат нас внимательно квалифицировать и интерпретировать взаимозависимость культурной идентичности и использования языка (блестящие образцы такого анализа демонстрирует автор монографии — см. с.155—180). Из большого числа удачных интерпретаций достаточно выбрать несколько иллюстраций, объясняющих подход автора к изучению выбора языковых средств партнерами по интеракции (например: дифференциация «свой — чужой» — пример анализа поведения участников сценки в гардеробе Дрезденской картинной галереи — с.157—158, или лингвокультурологический анализ функциональной палитры русских диминутивов — с.162—163).

Хотелось бы особо отметить плодотворность системного подхода к научно обоснованному анализу корреляции между личностной и коллективной идентичностью субъектов, который реализован

также в работах молодых ученых под руководством автора монографии. Он позволяет, не утрачивая конкретности, увидеть развитие концептуального содержания идеи и теоретической мысли автора. Например, в работе С.В.Семочки собственно лингвистическими методами выявляется константное и вариативное в изучаемом феномене и обосновывается его культурная специфичность в процессе межкультурной адаптации, в частности, подробно анализируется процесс образования и функционирования механизмов вербализации культурно-специфического концепта «Фауст» и выявляются способы достижения культурной преемственности в синхронии и диахронии (Семочко С.В. Концепт «Фауст» как константа немецкой культуры. / С. В. Семочко. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. — Воронеж, 2004). При изучении феномена оценки и средств ее выражения с точки зрения лингвокогнитивной теории в широком контексте современной духовной культуры и сложных социальных отношений О.В. Кашкина вполне убедительно демонстрирует роль лингвистических, социолингвистических, дискурсивных и психологических факторов при изучении общих процессов категоризации и концептуализации сведений о мире. Особенность подхода к данной проблематике при рассмотрении темы заключается в обращении к вопросам самопрезентации личности в процессе коммуникативного взаимодействия и в системном и многоаспектном описании специфики самооценочных высказываний как средства репрезентации Я-концепта в условиях интервью (на материале современной немецкой прессы). Несмотря на то, что круг непосредственно проанализированных текстов ограничен временными рамками (период с 1997 по 2001 годы), О.В. Кашкиной раскрыты общие языковые механизмы репрезентации сведений, хранящихся в различных ментальных структурах (Кашкина О.В. Функциональный анализ самооценочных высказываний как средства вербализации Я-концепта (на материале интервью немецкой прессы). / О.В. Кашкина. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. — Воронеж, 2005).

В этом же ключе написаны разделы четвертой главы монографии Л.И. Гришаевой «Соотношение личностной и коллективной идентичности субъекта при использовании языка» (с. 187—209). Обращение в данной главе к анализу влияния культурной идентичности субъекта на семантическую и синтаксическую организацию текста (с. 188—195)

не случайно, поскольку работ, системно обобщающих реальную коммуникативную практику не так уж много. Заслуживают внимания и сведения о результатах исследования когнитивных механизмов в соотнесении с особенностями культурно-специфической интерпретации текста. Автор утверждает, что использование языка имеет вероятностный характер, в то время как возможности адекватного декодирования посланной коммуниканту вербально закодированной информации базируются на механизме антиципации (с. 203). Несомненным достоинством предлагаемого метода исследования принципов варьирования когнитивно-дискурсивного инварианта «языковая личность» является результат, позволяющий установить, как отмечает автор, что специфику использования языка следует отнести к личностной идентичности субъекта, а также к идентичности того или иного типа, например, к гендерной, возрастной (с. 198—208). Складывается впечатление, что действительно, на современном этапе развития теории межкультурной коммуникации именно характеристика взаимодействия инварианта и вариантов при использовании языка способно помочь в верификации признаков коллективной/личностной идентичности и через обсуждение принципов функционирования одного из культурных кодов подойти к решению вопроса о том, что относится к ядерной и периферийной части культурной идентичности (с. 209).

Интерес к практическому аспекту рассматриваемой проблемы особенно актуален с позиций автора, представленных в пятой главе монографии — «Соизучение языка и культуры» (с. 210—243), которая написана в полемическом духе (прежде всего, по отношению к существующей университетской реальности). Судя по материалам, анализируемым в данной главе, а также по подготовленным автором учебным пособиям, используемым в практике педагогического вуза (в частности, в ЯГПУ), автору монографии удастся гармонично соединить концептуальную позицию с реальной практикой преподавания и изучения иностранного языка и иноязычной культуры в российской действительности, при этом как в теоретических, так в прикладных курсах. Изучение иностранного языка рассматривается в данной главе как аккультурация (с. 212—228), а проблемное поле теории межкультурной коммуникации представлено в монографии в соотнесении с учебными целями и задачами разработки научных критериев при выборе учебного материала (с. 229—239).

Значительность идеи о доминирующем характере тенденции к инструментализации языка, сформулированной автором монографии в данной главе, начинает осознаваться только в последнее время, когда, по справедливому замечанию Л.И.Гришаевой, «изучение языка перестает, если уже не перестало быть самоцелью даже на факультете иностранных языков» (с. 241). Вместе с тем, стоит, видимо, не забывать, что мнение о предпочтительности языка как средства достижения определенной цели оказывается дискуссионным в контексте дифференциации образовательных и профессиональных целей, с которой, к сожалению, в российской системе образования существуют определенные сложности.

В заключительной части монографии (с. 244—247) подчеркивается, что задача переструктурирования проблемного поля теории межкультурной коммуникации предполагает «помещение в фокус исследования человека как носителя личностной и коллективной идентичности, его деятельности, а также тех средств и (социальных) инструментов, которыми он пользуется в разнообразной среде, чтобы решать многочисленные и разнообразные познавательные и коммуникативные задачи» (с. 244). Библиографический список (с. 248—258) включает не только специальные работы, но и те исследования, которые способствуют осмыслению общетеоретического контекста проведенного исследования. Что касается предметного указателя, то при общей положительной оценке его характера следует отметить, что, естественно, в нем присутствует известная доля субъективности в соответствии с авторской интенцией, отраженной, прежде всего, в его кратком объеме. Кроме того, его можно было бы дополнить другими видами указателей и индексов. Тем не менее, в целом разработанный указатель достаточно удачно служит цели не только формальной инвентаризации определенного корпуса терминологических единиц, но и выполняет систематизирующую и обобщающую функции, отражающие уровень зрелости представленной в монографии теоретической позиции. Кроме того, в указателе в компактной форме представлены понятия, которые в исследовании вводятся в активный научный оборот (например, дискурсивное событие, дискурсивная стратегия, негативный коммуникативный результат, позитивный коммуникативный результат и т.д.), а система «адресов» понятий (с указанием страниц) способствует их системной идентификации.

Конечно, далеко не весь круг проблем, связанных с вопросами использования языка как культурного кода, нашел освещение на страницах монографии. Вместе с тем, его содержание наглядно демонстрирует как достигнутые успехи, так и нерешенные вопросы, исследованию которых в последнее время начинает уделяться должное внимание. После того, как стал бесспорным продуктивный потенциал анализа функционирования языка на фоне описания прочих культурно-специфических семиотических систем, встал вопрос о том, каким образом следует распорядиться этим несомненным исследовательским богатством. С очевидностью можно сказать, что традиционная лингвистика оказалась не полностью готовой к такому ракурсу исследований. Конечно, практически на протяжении всей второй половины XX века многие исследователи в рамках социолингвистических штудий неоднократно обращали внимание на невозможность игнорирования языковой вариативности и ориентации не на изучение той языковой реальности, в которой человек существует, а на некий абстрактный идеал. Массовое развитие процессов межкультурной коммуникации и их научное осмысление внесло существенные изменения в анализ многообразия результатов реальной коммуникации в современном социокультурном контексте, над которыми всерьез заставляет задуматься чтение новой научной работы Л.И. Гришаевой. Анализируемая монография — несомненная творческая удача автора. Приятно отметить, что лингвисты и специалисты по межкультурной коммуникации получили умную, полезную книгу, и хочется пожелать, чтобы в будущем её подготовили к пере-

изданию, причем большим, чем первый (200 экз.), тиражом. Опыт создания подобной монографии обобщает изучение реальной картины межъязыковых взаимоотношений на конкретном языковом материале в конкретный исторический период существования нашего общества.

Подводя итог, следует обратить внимание на то, что такое исследование, видимо, не могло быть написано двадцать и даже десять лет назад, оно является необыкновенно современным и именно поэтому так весома его актуальность. Несомненно, эта монография может активно использоваться в вузовской практике — здесь она восполнит осязаемый недостаток научной литературы. Одновременно она может служить хорошим образцом для аналогично проблемно ориентированных научных изысканий.

Таким образом, можно констатировать, что настоящая монография является отрядным пополнением отечественной литературы по межкультурной коммуникации и междисциплинарному осмыслению феномена языка как культурного кода. В краткой рецензии трудно остановиться на всех достоинствах книги Л.И. Гришаевой. Можно лишь в общей форме отметить, что эта работа представляет собой монографическое исследование, сумевшее системно обобщить современное состояние научного поиска на стыке теории межкультурной коммуникации и лингвистики на основе оригинального авторского толкования большинства проблем, затрагиваемых в ней. Она подводит определенный итог развития теоретической мысли автора и дает богатую пищу для раздумий о путях дальнейших исследований в указанном направлении.